

РЕРИХ.

При нем не сквернословят, не злословят. О нем пишут: "всегда странно спокойный, мяса не ест, вина не пьет, К играм и спорту не причастен. Горяч сердцем, отзывчив, готов простить врагам, всегда рад работать. Даже недоброжелатели удивляются, как успевает он в своих многообразных трудах. Каждый день что либо сделано по искусству, обычно же творчеству посвящается утреннее время - рано встает.

Бережет друзей, где только можно замолвит за них доброе слово. Не один кружок молодежи прибегал к его покровительству и советы его были хороши и полезны. Знаний у него много, но он не рассыпает их. Никогда не узнаете, что именно и насколько известно ему, только иногда мелькнет легкая улыбка сочувствия или сожаления. Избегает осуждать, лучше промолчит, если не согласен. Умеет выслушать и ободрить.

За всякое добро ему оказанное умеет быть навсегда признательным. Особый мир - в его мастерской, такой же как и в рабочей кельи его верной подруги. Ее облик - прекрасный извне и внутри - должен быть путеводной звездой для женщин новой эпохи. Покоем и духовным напряжением веет в их рабочих кельях. Не даром посетители говорят, да тут монастырь.

Уединенность, как всегда порождает всякие злоречия - сплетни. Злые языки готовы судить по себе и приписывать другим то, чем полны они сами. Клевета, за чашкою чая, всегда будет людским отдохновением.

Путь Рериха, как говорят его биографы, "является исканием наиболее простого, широкого-планного, крепко спаянного в своей простоте живописного выражения, как бы отвечающего духовному пути мастера, прекрасному в своей чистоте и силе."

Двенадцатая книга "Жизнь" является живым продолжением всех предыдущих книг мастера, в которых занесено много вех насыщенного пути. Мастер любит мозаику и все его записные листы носят печать мозаичности. Из этих разноцветных и самоцветных записей составилась жизнь, полная ярких переживаний.

Подход мастера к искусству всегда был нов, своеобразен и неожиданен. Таковы же и его записи. Каждая из них состоялась не из желания писать автобиографию, но под импульсом какого либо события или воставшего воспоминания. Каждая запись была как бы вехой странствия, настроения, боли или радости.

Из этих фрагментов мозаики слагается колорит миросозерцания. Камень всегда привлекал внимание художника. Каменные руны и звездные руны не раз бывали за-
даниями его картин. Так и в мозаике записей виден тот же неувядающий облик
искателя, исследователя, наблюдателя и неутомимого труженика - творца, всегда
устремленного к будущему.

Устремление к будущему подчеркнуто в вступлении к книге "Пути благословения":
"Рерих через бури разрушения, через тьму непонимания и через стены вражеских
препятствий проносит в Будущее не расплесканную чашу Красоты и Мудрости. И тем
самым он становится одним из величайших духовных вождей современности, к голосу
которого с особой чуткостью должны прислушиваться молодые поколения.

Именно к молодым и новым людям направлены благия мысли автора - Путей Благословения. Убедительно и бодро, к истинному пониманию красоты, к подвигу веселого труда зовет Рерих. И слова свои он первый обращает в действие примером собственной редчайшей самодеятельности, неустанного труда и подвига, любви и поисков тех сокровищ духа, которые быть может скоро откроют миру врата в небывало-новую и радостную жизнь, Благословенную."

Литература о мастере весьма обширна и разнообразна. Можно предположить, что ни об одном художнике при его жизни не было написано столько самыми различными авторами. Много ходил мастер по лицу земли, везде и творчество и его личность находили горячую оценку. Нельзя пройти равнодушно мимо множества картин мастера, поразительных особым, неповторенным стилем.

Не всегда критики умели правильно очертить облик художника. Они говорили об оригинальности концепции, о звучящих красках, об убедительной композиции, но лишь немногие отметили особый стиль присущий мастеру. Не надуман стиль этот. Он неотъемлим, как органическая песнь. Тот, кто изучал не только картины, но и писания художника видит, как в нем срослись не только живописные, но и поэтические представления.

Он ласково говорит о прошлом, а сам всячески стремится к будущему. Не страшится переустройства, - в них чует продвижение. "Все - для народа". Не видит привилегий и феодализма. "Сам найди, сам построй и сам радуйся". Все книги его действительно являются листами дневника. Как разнообразен этот дневник, писавшийся "на коне и в шатре", как мастер сам говорит в Алтай-Гималаях. Дневник велся и в Карелии и в Швеции и в Англии и в Америке и по всей Азии и в русских просторах. Велика переписка мастера и вряд ли удастся ее собрать в разных странах, среди самых неожиданных корреспондентов. Многие листы дневника отвечают на мировые события и показывают как звучал сам мастер на потрясения мира. Другие листы, и среди них "Творчество", являются как бы утверждением своих исканий, говорят о заветах искусства. И тут же отзвуки на научные достижения и особенно на энергию мысли. Художник звучит и болеет на все вибрации жизни.

Он умеет всегда оставаться молодым. Готов на новые поиски. В красках его всегда свежих и звучных сказывается природа истинного мастера. И композиция картин убедительна своею ритмичностью и непоколебимостью. Всегда так взято в поле зрения, что ничто лишнее не беспокоит и нигде нельзя урезать или приоткрыть. На многих картинах хотелось бы заглянуть за раму, потому что изображенное предпо-

лагает естественное продолжение и распространение. Трудно по снимкам определять размер оригиналов его, но и это качество многое значительно. Оно доказывает что воображение дало именно столько, сколько нужно для убедительности.

Устремление к будущему, к неустанному созиданию делает его незлобивым, незлопамятным. Некогда оборачиваться и задерживаться, когда столько впереди. Казалось бы жизнь так заполнена, произошло столько замечательного, но прозрение зовет вперед. Народ и молодежь всегда ободрены и оценены в писаниях его. Именно народ, во множестве своем и трудовая молодежь должны быть ему признательны. Также и женщины не забудут, как мужественно борется он за женское движение, за полноправие.

О художниках жизни, о мастерстве, о высоком качестве каждой работы он высказываетя настойчиво. В своих трудах постоянных он подает пример вдохновенного упорства и преодоления. Годы не лишают его трудоспособности и умудряется прозрение. Он радуется достижениями русского народа. Редко кто так зовуще выражается об обороне Родины. "Русская Слава", "Великому народу русскому", "Новому поколению?", "Друзьям художникам" шлет он свои листы из далеких Гималаев.

Расстояния не отрывают его от родины, от возлюбленного народа русского. Он трудится и творит для этого народа. Поверх пониманий всечеловеческих, он строит для своей родины. Он радуется, когда родной народ восходит на заслуженное место, когда весь мир искренне, и неискренно должен признать великое значение трудящегося народа.

Он много потрудился о мире, об охранении культурных сокровищ. Это был не сентиментальный плач, но добре искание всенародного уважения к общим, мировым ценностям. Пакт его имени был подписан двадцатью и одною странами. Для русского народа незабываемо, что и эта идея была послана в мир тем русским, кто так любит народ русский. Говоря о мире, как о культурном достижении, он готов всеми силами оборонять любимую родину от всяких на нее посягательств. Это доспех обороны, а не порабощения.

5

Сотрудники мастера отмечали его терпение и доброжелательность к окружающим. Он умеет выслушивать, умеет ободрить и направить без насилия". Другие говорили, что он "ко врагам даже внимательнее, чем к друзьям". Это не совсем верно, но мастер замечал, что нужно знать и вражеские пути.

Много знал мастер, много накопил опыта. Свое знание он редко всем выявлял. И память его была обширная. Иногда он цитировал Виргилия и Овидия, иногда любил сказать строфы из Бхагават-Гиты, иногда из Шевченки или "Энеиды" Котляревского; любил многое из Алексея Толстого и помнил дословно. Иногда неожиданно поминал буддийские или конфуцианские тексты, или из речи Цицерона или из "Анабазиса".... Запомнились латинский и греческий языки. Никто в конце концов не знал пределы его осведомленности. Он внимательно относился к народной литературе, к пословицам. Знал многие места из "Слова о Полку Игоревом", из былин, из Добротолюбия. Подчас собеседники не помнили чью то цитату, а молчавший мастер неожиданно вставлял: "да это из Пушкина", или "из Гоголя". Он очень ценил язык Гоголя.

Из иностранцев поминал Бальзака, Вальтера Скотта, Золя, Анатоля Франса, Гете, Шиллера. На шиллеровские темы были многие ученические эскизы. Необычное всегда влекло его воображение. Слова Эврипида "мы любим земную жизнь, ибо другой не знаем", поучительно повторялись. Платон и Пифагор были близкими. Чьи либо насмешки над Парацельсом бывали пресекаемы. "Главное, не говорите о том чего не знаете."

Облик Сергея Радонежского всегда был близок. Любил слово Ключевского о Наставнике Русского Народа. Суворов, Кутузов, Минин, Александр Невский, Ярослав Мудрый были близкими. Давно уже писал об "Иконном Тереме" - предчувствуя значение русской иконы или о древности основания Киева или Новгорода, зная какие замечательные находки ожидают Русский Народ. О непобедимости Русского Народа писал часто. Ко обороне Родины звал. Культура - всегда любимая тема.

Он знает, что усовершенствование и труд есть мерило ценности. Не в золоте, но в творчестве и в труде выявляется преуспеяние народа. Слово мастера о труде не есть отвлеченное благопожелание. Он сам в своей ежедневной работе знаменует отличный пример строительства. И вся семья живет тем же неутомимым созидательством. Елена Ивановна под пятью псевдонимами является автором живых философских книг. Тома ея писем ободрили и принесли радость многим людям. Прекрасный пример водительницы и вдохновительницы, мыслящей о всеобщем благе. Серов в своем портрете дал движение и устремленность - два основных качества прекрасной деятельности. Сын Юрий стал глубоким ученым востоковедом. Тибет, Монголия, вся средняя Азия изучаются им. Знание многих языков открывает ему двери, которые для иных ученых остались бы закрытыми. Младший сын Святослав сделался мощным художником. Картины его уже во многих Музеях. Мастерство в портретной живописи дает ему особое место среди лучших художников. Своебразное и неутомимое творчество! В трудах вся семья. Лучший праздник, когда можно создать нечто полезное и прекрасное.

Не раз отмечалась многознаменательность того, как эта русская семья жила и работала в Гималаях, в этой колыбели Ариаварти. Для русских такая живая связь с Индией останется навсегда и в истории искусства и в истории культуры. Русское сердце открыто к Индии и эта древняя страна платит полною взаимностью. Если бы повсюду были такие доброжелательные вестники, как вся семья нашего русского художника.

"Вестник" - первая картина мастера. За нее получено академическое звание, она тогда же была приобретена Третьяковым для его Московской Галереи. Тема "Вестник" оказалась знаменательной для всего творчества художника. Весть, добрая весть, прекрасная весть всегда была и будет ярым устремлением мастера. Для кого то незнаемого, для кого то молодого эта весть. Нужно иметь пылающее сердце, чтобы пыль земная, что бы клевета и злоба не удущили сердечность и любовь к человеку.

Он говорит: "пылайте сердцами, творите любовью! Не отвлеченно для него звучит и пламя сердца и любовное творчество. Суровый к себе, он шлет всем трудящимся, всем творящим ласку и улыбку ободрения. Сотрудничество и содружество заповеданы им на всех путях. Единение - сила и он шлет этот ласковый приказ по всему миру. Поверх всех достижений он остается художником. Это качество позволяет от искусства, от красоты широко понимать явления жизни и мировое преустройство. За любовь к трудовому народу, за призывы к обновлению жизни не мало приходится выносить от всяких невежд. Наряду с легендами правды слагаются и всевозможные наветы и злые выдумки. Но знает он, что правда не ржавеет и в свое время встает она на одоление злобы. "Когда постройка идет - все идет", улыбается он и преодолевает. И знает, что трудности несут и новые возможности.

Неоднажды возникали споры, принадлежит ли он к какой то определенной школе или является основателем особой школы, выражющей новые концепции искусства? Британская Энциклопедия называет его модернистом, - это не определяльно. Некоторые критики помещали его среди пост-эмпрессионистов - и это неясно. Конлан в своей монографии приближает его к мастерам старого Китая. Козенс сличает с искусством Индии. Кто то говорил о Гогэне, кто то о Мунке, кто то о Пювис-де-Шаванне... *Мм* Все эти попытки не показательны. Но целая группа писателей, среди них Алек. Бенуа, Голлербах, Кузьмин, Хагберг-Райт, Воксель и другие определяют его как главу особой школы живописи. И это правильно. Когда его самого спрашивали о его стиле и школе, он улыбался: "пою как умею!" Такое заявление справедливо. От самых истоков творчества, он идет своим путем, развиваясь, совершенствуясь и отказываться ему не от чего. В некоторых историях искусств не без основания отмечалось, что он хотя и входит в группу "Мира Искусства", но стоит в ней особняком. Естественно его творчество не имеет общего с маркизами Сомова или со скурильщиком Бакста или с Людовиками Бенуа. Если уже искать внутреннее сродство то придется обратиться к Врубелю, Сурикову, Гогену, к очень своеобразным источникам. О них спорили и сражались и в итоге правда оставалась за ними, за этими

искателями и выражителями своеобразного подхода к сокровенному смыслу жизни.

У него свой мир так прекрасно отмеченный в статье Леонида Андреева "Держава Р." или Голлербахом подчеркнувшем космичность этого всегда обновленного творчества.

Горький называл Рериха "величайшим интуитивистом". Действительно, останавливает внимание предшествование событиям многих картин мастера. Скажете: "случайность", "совпадение"? Но когда это же обстоятельство повторяется многократно в течение полувека тогда определение Горького особенно вспоминается.

"Поход" и "Зловещие" перед войной с Японией. "Мечь-мужества", "Ангел последний", "Эмий проснулся", "Короны", "Дела человеческие", "Город обреченный", "Зарево" - перед великой войной и революцией.

Сейчас перед отечественной войной "Богатыри проснулись", "Армагеддон", "Святогор", "Микула", "Настасья Микулична", "Весть Тирону", "Александр Невский", "Ярослав", "Ковка меча", большая сюита устремляющая внимание на грядущие события.

Незнаем, как складываются ко времени многозначительные образы, но они есть. Внимательный глаз распознает их. Спросите, отчего сознание художника предчувствует предпочтительно около судеб народа русского? Ответ будет о коренной русскойности мастера, о чем писалось не раз в разных странах.

Эти прозрения предчувствия художника могли бы дать какому то писателю прекрасную тему о путях творчества. Теперь наука о мысли так углубляется; многое еще недавно сверхестественное входит в познавательные каналы и такие особенности творчества должны изучаться безпредрассудочно. Явление яркое, обратившее на себя внимание самых наиреальных деятелей замечательно для каждого психолога. Присмотревшись ближе наверное можно найти и еще не мало аналогий. Жизнь художника многообразна и содержательна.

Показательно просмотреть задания мастера и в его картинах и в очерках. Одни заглавия составят целую галерею образов и мыслей. При этом было бы несправедливо и невежественно укорить художника в нарочитости, в тенденции, в тематичности, настолько художественное задание всегда превосходит содержание. В песне даже не слыша слов можно восхищаться красотой звука. Также точно и в картинах мастера даже не зная замысла будешь увлечен композицией, колоритом, богатством звучания тонов. Стиль мастера всегда отличается концепцией всех частей произведения. В этой созвучности нет отрицания, отхода, но постоянное движение. Без движения, без работы мастер не может жить. Среди движения, среди ростущей наблюдательности вырабатывается и целесообразность. В ней то и лежит убедительность индивидуального стиля. Зритель чует, что "так нужно", "иначе нельзя". Этим же путем вырабатывается искреннее уважение к значению искусства. Мастер говорит: "искусство - для всех. Всему народу принадлежат создания творчества."

Кузьмин в монографии, изданной в 1924 году при В Ц И К Советов, говорит:
"Явление единственное и неповторимое!"

Индия называет мастера гурудэв и махарши. В этих древних почетных наименованиях индусы выражают свое почитание тому, кто сердечно отнесся к народам Азии.
Живет русское творчество!

Где Рерих, там творится хорошее русское народное дело.

ЕИРНД
МАЛЫХ
БОУНД

Рано
700

РЕРИХ.

М. К. Ранешич №

При нем не сквернословят, не злословят. О нем пишут: "всегда странно спокойный, мяса не ест, вина не пьет, к играм и спорту не причастен. Горяч сердцем, отзывчив, готов простить врагам, всегда рад работать. Даже недоброжелатели удивляются, как успевает он в своих многообразных трудах. Каждый день что либо сделано по искусству, обычно же творчеству посвящается утреннее время - рано встает.

Бережет друзей, где только можно замолвит за них доброе слово. Не один круг молодежи прибегал к его покровительству и советы его были хороши и полезны. Знаний у него много, но он не рассыпает их. Никогда не узнаете, что именно и насколько известно ему, только иногда мелькнет легкая улыбка сочувствия или сожаления. Избегает осуждать, лучше промолчит, если не согласен. Умеет выслушать и ободрить.

За всякое добро ему оказанное умеет быть навсегда признательным. Особый мир - в его мастерской, такой же как и в рабочей кельи его верной подруги. Ее облик - прекрасный извне и внутри - должен быть путеводной звездой для женщин новой эпохи. Покоем и духовным напряжением веет в их рабочих кельях. Не даром посетители говорят, да тут монастырь.

Уединенность, как всегда порождает всякие злоречия - сплетни. Злые языки готовы судить по себе и приписывать другим то, чем полны они сами. Клевета, за чашкою чая, всегда будет людским отдохновением.

Путь Рериха, как говорят его биографы, "является исканием наиболее простого, широкого-планного, крепко спаянного в своей простоте живописного выражения, как бы отвечающего духовному пути мастера, прекрасному в своей чистоте и силе."

Двенадцатая книга "Жизнь" является живым продолжением всех предыдущих книг мастера, в которых занесено много вех насыщенного пути. Мастер любит мозаику и все его записные листы носят печать мозаичности. Из этих разноцветных и самочетных записей составилась жизнь, полная ярких переживаний.

Подход мастера к искусству всегда был нов, своеобразен и неожиданен. Таковы же и его записи. Каждая из них состоялась не из желания писать автобиографию, но под импульсом какого либо события или воставшего воспоминания. Каждая запись была как бы вехой странствия, настроения, боли или радости.

Из этих фрагментов мозаики слагается колорит миросозерцания. Камень всегда привлекал внимание художника. Каменные руны и звездные руны не раз бывали зданиями его картин. Так и в мозаике записей виден тот же неувядающий облик исследователя, наблюдателя и неутомимого труженика - творца, всегда устремленного к будущему.

Устремление к будущему подчеркнуто в вступлении к книге "Пути благословения": "Рерих через бури разрушения, через тьму непонимания и через стены вражеских препятствий проносит в Будущее не расплесканную чашу Красоты и Мудрости. И тем самым он становится одним из величайших духовных вождей современности, к голосу которого с особой чуткостью должны прислушиваться молодые поколения.

Именно к молодым и новым людям направлены благия мысли автора - Путей Благословения. Убедительно и бодро, к истинному пониманию красоты, к подвигу веселого труда зовет Рерих. И слова свои он первый обращает в действие примером собственной редчайшей самодеятельности, неустанного труда и подвига, любви и поисков тех сокровищ духа, которые быть может скоро откроют миру врата в небывало-новую и радостную жизнь, Благословенную."

Литература о мастере весьма обширна и разнообразна. Можно предположить, что ни об одном художнике при его жизни не было написано столько самыми различными авторами. Много ходил мастер по лицу земли, везде и творчество и его личность находили горячую оценку. Нельзя пройти равнодушно мимо множества картин мастера, поразительных особым, неповторенным стилем.

Не всегда критики умели правильно очертить облик художника. Они говорили об оригинальности концепции, о звучащих красках, об убедительной композиции, но лишь немногие отметили особый стиль присущий мастеру. Не надуман стиль этот. Он неотъемлим, как органическая песнь. Тот, кто изучал не только картины, но и писания художника видит, как в нем срослись не только живописные, но и поэтические представления.

Он ласково говорит о прошлом, а сам всячески стремится к будущему. Не страшится переустройства, - в них чует продвижение. "Все - для народа". Не видит привилегий и феодализма. "Сам найди, сам построй и сам радуйся". Все книги его действительно являются листами дневника. Как разнообразен этот дневник, писавшийся "на коне и в шатре", как мастер сам говорит в Алтай-Гималаях. Дневник велся и в Карелии и в Швеции и в Англии и в Америке и по всей Азии и в русских просторах. Велика переписка мастера и вряд ли удастся ее собрать в разных странах, среди самых неожиданных корреспондентов. Многие листы дневника отвечают на мировые события и показывают как звучал сам мастер на потрясения мира. Другие листы, и среди них "Творчество", являются как бы утверждением своих исканий, говорят о заветах искусства. И тут же отзвуки на научные достижения и особенно на энергию мысли. Художник звучит и болеет на все вибрации жизни.

Он умеет всегда оставаться молодым. Готов на новые поиски. В красках его всегда свежих и звучных сказывается природа истинного мастера. И композиция картин убедительна своею ритмичностью и непоколебимостью. Всегда так взято в поле зрения, что ничто лишнее не беспокоит и нигде нельзя урезать или приоткрыть. На многих картинах хотелось бы заглянуть за раму, потому что изображенное предпо-

СБР
ЧИСЛЕННОСТЬ
00

тает естественное продолжение и распространение. Трудно по снимкам определить размер оригиналов его, но и это качество многое значительно. Оно доказывает что воображение дало именно столько, сколько нужно для убедительности.

Устремление к будущему, к неустанному созиданию делает его незлобивым, незлопамятным. Некогда обрачиваться и задерживаться, когда столько впереди. Казалось бы жизнь так заполнена, произошло столько замечательного, но прозрение зовет вперед. Народ и молодежь всегда ободрены и оценены в писаниях его. Именно народ, во множестве своем и трудовая молодежь должны быть ему признательны. Также и женщины не забудут, как мужественно борется он за женское движение, за полноправие.

О художниках жизни, о мастерстве о высоком качестве каждой работы он высказываетя настойчиво. В своих трудах постоянных он подает пример вдохновенного упорства и преодоления. Годы не лишают его трудоспособности и умудряется прозрение. Он радуется достижениями русского народа. Редко кто так зовуще выражается об обороне Родине. "Русская Слава", "Великому народу русскому", "Новому поколению", "Друзьям" художникам" щлет он свои листы из далеких Гималаев.

Расстояния не отрывают его от родин, от возлюбленного народа русского. Он труждится и творит для этого народа. Поверх пониманий всечеловеческих, он строит для своей родины. Он радуется, когда родной народ восходит на заслуженное место, когда весь мир искренно, и неискренно должен признать великое значение трудающегося народа.

Он много потрудился о мире, об охранении культурных сокровищ. Это был не сентиментальный плач, но добре искание всенародного уважения к общим, мировым ценностям. Пакт его имени был подписан двадцатью и одною странами. Для русского народа незабываемо, что и эта идея была послана в мир тем русским, кто так любит народ русский. Говоря о мире, как о культурном достижении, он готов всеми силами обронять любимую родину от всяких на нее посягательств. Это доспех обороны, а не порабощения.

Слуги мастера отмечали его терпение и доброжелательность к окружающим. Умеет выслушивать, умеет ободрить и направить без насилия". Другие говорили, что он "ко врагам даже внимательнее, чем к друзьям". Это не совсем верно, но мастер замечал, что нужно знать и вражеские пути.

Много знал мастер, много накопил опыта. Свое знание он редко всем выявлял. И память его была обширная. Иногда он цитировал Виргилия и Овидия, иногда любил сказать строфы из Бхагават-Гиты, иногда из Шевченки или "Энеиды" Котляревского; любил многое из Алексея Толстого и помнил дословно. Иногда неожиданно поминал буддийские или конфуцианские тексты, или из речи Цицерона или из "Анабазиса".... Запомнились латинский и греческий языки. Никто в конце концов не знал предела его осведомленности. Он внимательно отнесился к народной литературе, к пословицам. Знал многие места из "Слова о Полку Игоревом", из былин, из Добротолюбия. Подчас собеседники не помнили чью то цитату, а молчавший мастер неожиданно вставлял: "да это из Пушкина", или "из Гоголя". Он очень ценил язык Гоголя.

Из иностранцев поминал Бальзака, Вальтера Скотта, Золя, Анатоля Франса, Гете, Шиллера. На шиллеровские темы были многие ученические эссеизы. Необычное всегда влекло его воображение. Слова Эврипида "ми любим земную жизнь, ибо другой не знаем", поучительно повторялись. Платон и Пифагор были близкими. Чьи либо наставки над Парацельсом бывали пресекаемы. "Главное, не говорите о том чего не знаете."

Облик Сергея Радонежского всегда был близок. Любил слово Коючевского о Наставнике Русского Народа. Суворов, Кутузов, Минин, Александр Невский, Ярослав Мудрый были близкими. Давно уже писал об "Иконном Тореме" - предчувствуя значение русской иконы или о древности основания Киева или Новгорода, зная какие замечательные находки ожидают Русский Народ. О непобедимости Русского Народа писал часто. Кообороне Родину звал. Культура - всегда любимая тема.

Он знает, что усовершенствование и труд есть мерилы ценности. Не в золоте, но в творчестве и в труде выявляется преуспеяние народа. Слово мастера о труде не есть отвлеченное благопожелание. Он сам в своей ежедневной работе знаменует отличный пример строительства. И вся семья живет тем же неутомимым созидательством. Елена Ивановна под пятью псевдонимами является автором живых философских книг. Тома ея писем ободрили и принесли радость многим людям. Прекрасный пример водительницы и вдохновительницы, мыслящей о всеобщем благе. Серов в своем портрете дал движение и устремленность - два основных качества прекрасной деятельности. Сын Юрий стал глубоким ученым востоковедом. Тибет, Монголия, вся средняя Азия изучаются им. Знание многих языков открывает ему двери, которые для иных ученых остались бы закрытыми. Младший сын Святослав сделался мощным художником. Картины его уже во многих музеях. Мастерство в портретной живописи дает ему особое место среди лучших художников. Своеобразное и неутомимое творчество! В трудах вся семья. Лучший праздник, когда можно создать нечто полезное и прекрасное.

Не раз отмечалась многозначительность того, как эта русская семья жила и работала в Гималаях, в этой колыбели Ариаварти. Для русских такая живая связь с Индией останется навсегда и в истории искусства и в истории культуры. Русское сердце открыто к Индии и эта древняя страна платит полной взаимностью. Если бы повсюду были такие добромелательные вестники, как вся семья нашего русского художника.

"Вестник" - первая картина мастера. За нее получено академическое звание, она тогда же была приобретена Третьяковым для его Московской Галереи. Тема "Вестник" оказалась знаменательной для всего творчества художника. Весть, добрая весть, прекрасная весть всегда была и будет ярым устремлением мастера. Для кого то незнамого, для кого то молодого эта весть. Нужно иметь пылающее сердце, чтобы пыль земная, что бы клевета и злоба не удущили сердечность и любовь к человеку.

Он говорит: "пылайте сердцами, творите любовью". Не отвлеченно для него звучит и пламя сердца и любовное творчество. Суровый к себе, он шлет всем трудящимся, всем творящим ласку и улыбку ободрения. Сотрудничество и содружество заповеданы им на всех путях. Единение - сила и он шлет этот ласковый приказ по всему миру. Поверх всех достижений он остается художником. Это качество позволяет от искусства, от красоты широко понимать явления жизни и мировое переустройство. За любовь к трудовому народу, за призывы к обновлению жизни не мало приходится выносить от всяких невежд. Наряду с легендами правды слагаются и всевозможные наветы и злые выдумки. Но знает он, что правда не ржавеет и в свое время встает она на одоление злобы. "Когда постройка идет - все идет", улыбается он и преодолевает. И знает, что трудности несут и новые возможности.

Неоднажды возникали споры, принадлежит ли он к какой то определенной школе или является основателем особой школы, выражющей новые концепции искусства? Британская Энциклопедия называет его модернистом, - это не определяльно. Некоторые критики помещали его среди пост-Эмиреиссионистов - и это неясно. Конлан в своей монографии приближает его к мастерам старого Китая. Козенс сливает с искусством Индии. Кто то говорил о Гогэне, кто то о Мунке, кто то о Лювисде-Шаванне... Все эти попытки не показательны. Но целая группа писателей, среди них Ален. Бенуа, Голлербах, Кузьмин, Хагберг-Райт, Вонсель и другие определяют его как главу особой школы живописи. И это правильно. Когда его самого спрашивали о его стиле и школе, он улыбался: "пою как умею!" Такое заявление справедливо. От самих истоков творчества, он идет своим путем, развиваясь, совершенствуясь и отказываться ему не от чего. В некоторых историях искусств не без основания отмечалось, что он хотя и входит в группу "Мира Искусства", но стоит в ней особняком. Естественно его творчество не имеет общего с маркизами Сомова или со скрипильшиной Бакста или с Людовиками Бенуа. Если уже искать внутреннее средство то придется обратиться к Врубелю, Сурикову, Гогену, к очень своеобразным источникам. О них спорили и сражались и всетаки правда оставалась за ними, за этими

мателями и выразителями своеобразного подхода к сокровенному смыслу жизни.

У него свой мир так прекрасно отмеченный в статье Леонида Андреева "Держава Р." или Голлербахом подчеркнувшем космичность этого всегда обновленного творчества.

Горький называл Рериха "величайшим интуитивистом". Действительно, останавливает внимание предчувствование событий многих картин мастера. Скажете: "случайность", "совпадение"! Но когда это же обстоятельство повторяется многократно в течение полувека тогда определение Горького особенно вспоминается.

"Поход" и "Зловещие" перед войной с Японией. "Мечь-мужества", "Ангел последний", "Змий проснулся", "Корона", "Дела человеческие", "Город обреченный", "Зарево" - перед великой войной и революцией.

Сейчас перед отечественной войной "Богатыри проснулись", "Армагеддон", "Святогор", "Микула", "Настасья Микулична", "Весть Тирону", "Александр Невский", "Ярослав", "Ковка меча", большая скита устремляющая внимание на грядущие события.

Незнаем, как складываются во времени многозначительные образы, но они есть. Внимательный глаз распознает их. Спросите, отчего сознание художника предчувствует предпочтительно около судеб народа русского? Ответ будет о коренной russности мастера, о чем писалось не раз в разных странах.

Эти прозрения предчувствия художника могли бы дать какому то писателю прекрасную тему о путях творчества. Теперь наука о мысли так углубляется; многое еще недавно сверхестественное входит в познавательные каналы и такие особенности творчества должны изучаться безпредрассудочно. Явление яркое, обратившее на себя внимание самых наиреальных деятелей замечательно для каждого психолога. Присмотревшись ближе наверное можно найти и еще не мало аналогий. Жизнь художника многообразна и содержательна.

Показательно просмотреть задания мастера и в его картинах и в очерках. Одни заглавия составят целую галерею образов и мыслей. При этом было бы несправедливо и невежественно укорить художника в нарочитости, в тенденции, в тематичности, настолько художественное задание всегда превосходит содержание. В песне даже не слыша слов можно восхищаться красотой звука. Так же точно и в картинах мастера даже не зная замысла будешь увлечен композицией, колоритом, богатством звучания тонов. Стиль мастера всегда отличается концепцией всех частей произведения. В этой созвучности нет отрицания, отхода, но постоянное движение. Без движения, без работы мастер не может жить. Среди движения, среди ростущей наблюдательности вырабатывается и целесообразность. В ней то и лежит убедительность индивидуального стиля. Зритель чует, что "так нужно", "иначе нельзя". Этим же путем вырабатывается искреннее уважение к значению искусства. Мастер говорит: "искусство - для всех. Всему народу принадлежат создания творчества."

Кузьмин в монографии, изданной в 1924 году при В Ц И К Советов, говорит:
"Явление единственное и неповторимое!"

Индия называет мастера гурудэв и махарши. В этих древних почетных наименованиях индусы выражают свое почитание тому, кто сердечно отнесся к народам Азии.
Живет русское творчество!

Где Рерих, там творится хорошее русское народное дело.

В.

С. Маковский сопоставляя Врубеля и Рериха говорит:

"Оба они - потусторонние. Кто еще из художников до такой степени не на земле земной, а где то за тридевять царств от действительности, и при том так, будто сказка то и есть вечная их родина - ?

Оба они - восходит и заходит не наше солнце, и в таинственных гротах, где мерцают самоцветные камни невиданных пород. С этих вершин открываются дали таких древних просторов, в этих гротах такое жуткое безмолвие... ~~Балишево прошлое~~ ~~Балишево прошлое~~

Путь Рериха, как говорят его биографы, "является исканием наиболее простого, широкого-планированного, крепко спаянного в своей простоте живописного выражения, как бы отвечающего духовному пути мастера, прекрасному в своей чистоте и силе."

Двенадцатая книга "Жизнь" является живым продолжением всех предыдущих книг мастера, в которых занесено много вех насыщенного пути. Мастер любит мозаику и все его записные листы носят печать мозаичности. Из этих разноцветных и самоцветных записей состоялась жизнь, полная ярких переживаний.

Подход мастера к искусству всегда был нов, своеобразен и неожиданен. Таковы же и его записи. Каждая из них состоялась не из желания писать автобиографию, но под импульсом какого либо события или воставшего воспоминания. Каждая запись была как бы вехой странствия, настроения, боли или радости.

Из этих фрагментов мозаики слагается колорит мироизображения. Камень всегда привлекал внимание художника. Каменные руины и звездные руины не раз бывали зданиями его картин. Так и в мозаике записей виден тот же неувядающий облик исследователя, наблюдателя и неутомимого труженика - творца, всегда устремленного к будущему.

Устремление к будущему подчеркнуто в вступлении к книге "Пути благословения": "Рерих через бури разрушения, через тьму непонимания и через стены вражеских препятствий проносит в Будущее не расплесканию чашу Красоты и Мудрости. И тем самым он становится одним из величайших духовных вождей современности, к голосу которого с особой чуткостью должны прислушиваться молодые поколения.

Именно к молодым и новым людям направлена благия мысли автора - Путей Благословения. Убедительно и бодро, к истинному пониманию красоты, к подвигу веселого труда зовет Рерих. И слова свои он ⁶ первый обращает в действие примером собственной редчайшей самодельности, неустанного труда и подвига, любви и поисков тех сокровищ духа, которые быть может скоро откроют миру врата в небывало-новую и радостную жизнь, Благословенную."

Литература о мастере весьма обширна и разнообразна. Можно предположить, что ни об одном художнике при его жизни не было написано столько самими различными авторами. Много ходил мастер по лицу земли, везде и творчество и его личность находили горячую оценку. Нельзя пройти равнодушно мимо множества картин мастера, поразительных особым, неповторенным стилем.

Не всегда критики умели правильно очертить облик художника. Они говорили об оригинальности концепции, о звучящих красках, об убедительной композиции, но лишь немногие отметили особый стиль присущий мастеру. Не надуман стиль этот. Он не от'емлим, как органическая песнь. Тот, кто изучал не только картины, но и писания художника видит, как в нем срослись не только живописные, но и поэтические представления.

Он ласково[ ] говорит о прошлом, а сам всячески стремится к будущему. Не страшится переустройства, - в них чует продвижение. "Все - для народа". Не видит привилегий и феодализма. "Сам найди, сам построй и сам радуйся". Все книги его действительно являются листами дневника. Как разнообразен этот дневник, писавшийся: "на коне и в шатре", как мастер сам говорит в Алтай-Гималаях. Дневник велся и в Карелии и в Швеции и в Англии и в Америке и по всей Азии и в русских просторах. Велика переписка мастера и вряд ли удастся ее собрать в разных странах, среди самых неожиданных корреспондентов. Многие листы дневника отвечают на мировые события и показывают как звучал сам мастер на потрясения мира. Другие листы, и среди них "Творчество", являются как бы утверждением своих исканий, говорят о заветах искусства. И тут же отзвуки на научные достижения и особенно на энергию мысли. Художник звучит и болеет на все вибрации жизни.

Он умеет всегда оставаться молодым. Готов на новые поиски. В красках его всегда своих и звучных сказывается природа истинного мастера. И композиция картин убедительна свою ритмичностью и непоколебимостью. Всегда так взято в поле зрения, что ничто лишнее не беспокоит и нигде нельзя урезать или приоткрыть. На многих картинах хотелось бы заглянуть за раму, потому что изображение предпо-

лагает естественное продолжение и распространение. Трудно по снимкам определить размер оригиналов его, но и это качество многое значительно. Оно доказывает что воображение дало именно столько, сколько нужно для убедительности.

Устремление к будущему, к неустанному созиданию делает его незлобивым, незлопамятным. Некогда обличавшийся и задерживаться, когда столько впереди. Казалось бы жизнь так заполнена, произошло столько замечательного, но прозрение зовет вперед. Народ и молодежь всегда ободрены и оценены в писаниях его. Именно народ, во множестве своем и трудовая молодежь должны быть ему признательны. Также и женщины не забудут, как мужественно борется он за женское движение, за полноправие.

О художниках жизни, о мастерстве о высоком качестве каждой работы он высказывает настойчиво. В своих трудах постоянных он подает пример вдохновенного упорства и преодоления. Годы не лишают его трудоспособности и умудряется прозрение. Он радуется достижениями русского народа. Редко кто так зовуще выражается об обороне Родини. "Русская Слава", "Великому народу русскому", "Новому поколению", "Друзьям художникам" шлет он свои листы из далеких Гималаев.

Расстояния не отрывают его от родини, от возлюбленного народа русского. Он трудится и творит для этого народа. Поверх пониманий всечеловеческих, он строит для своей родини. Он радуется, когда родной народ восходит на заслуженное место, когда весь мир искренно, и неискренно должен признать великое значение трудящегося народа.

Он много потрудился о мире, об охранении культурных сокровищ. Это был не сентиментальный плач, но добре искалье всенародного уважения к общим, мировым ценностям. Пакт его имени был подписан двадцатью и одною странами. Для русского народа незабываемо, что и эта идея была послана в мир тем русским, кто так любит народ русский. Говоря о мире, как о культурном достижении, он готов всеми силами защитить любимую родину от всяких на нее посягательств. Это доспех обороны, а не порабощения.

Сотрудники мастера отмечали его терпение и доброжелательность к окружающим. "Он умеет выслушивать, умеет ободрить и направить без насилия". Другие говорили, что он "ко врагам даже внимательнее, чем к друзьям". Это не совсем верно, но мастер замечал, что нужно знать и вражеские пути.

Много знал мастер, много накопил опыта. Свое знание он редко всем выявлял. И память его была обширная. Иногда он цитировал Виргилия и Овидия, иногда любил сказать строфы из Бхагават-Гиты, иногда из Шевченки или "Энеиды" Котляревского; любил многое из Алексея Толстого и помнил дословно. Иногда неожиданно поминал буддийские или конфуцианские тексты, или из речи Цицерона или из "Анабазиса".... Запомнились латинский и греческий языки. Никто в конце концов не знал пределы его осведомленности. Он внимательно относился к народной литературе, к пословицам. Знал многие места из "Слова о Полку Игоревом", из былин, из Добротолюбия. Подчас собеседники не помнили чью то цитату, а молчавший мастер неожиданно вставлял: "да это из Пушкина", или "из Гоголя". Он очень ценил язык Гоголя.

Из иностранцев поминал Бальзака, Вальтера Скотта, Золя, Анатоля Франса, Гете, Шиллера. На шиллеровские темы были многие ученические эскизы. Необычное всегда влекло его воображение. Слова Эврипида "мы любим земную жизнь, ибо другой не знаем", поучительно повторялись. Платон и Пифагор были близкими. Чьи либо насмешки над Парацельсом бывали пресекаемы. "Главное, не говорите о том чего не знаете."

Облик Сергея Радонежского всегда был близок. Любил слово Коючевского о наставнике Русского Народа. Суворов, Кутузов, Минин, Александр Невский, Ярослав Мудрый были близкими. Давно уже писал об "Иконном Тереме" - предчувствуя значение русской иконы или о древности основания Киева или Новгорода, зная какие замечательные находки ожидают Русский Народ. О непобедимости Русского Народа писал часто. Обороне Родины звал. Культура - всегда любимая тема.

Он знает, что усовершенствование и труд есть мерило ценности. Не в золоте, но в творчестве и в труде выявляется преуспечение народа. Слово мастера с труде не есть отвлеченное благопожелание. Он сам в своей ежедневной работе знаменует отличный пример строительства. И вся семья живет тем же неутомимым созидательством. Елена Ивановна под пятью псевдонимами является автором живых философских книг. Тома ея писем ободрили и принесли радость многим людям. Прекрасный пример водительницы и вдохновительницы, мыслящей о всеобщем благе. Серов в своем портрете дал движение и устремленность - два основных качества прекрасной деятельности. Сын Юрий стал глубоким ученым востоковедом. Тибет, Монголия, вся средняя Азия изучаются им. Знание многих языков открывает ему двери, которые для иных ученых остались бы закрытыми. Младший сын Святослав сделался мощным художником. Картины его уже во многих музеях. Мастерство в портретной живописи дает ему особое место среди лучших художников. Своеобразное и неутомимое творчество! В трудах вся семья. Лучший праздник, когда можно создать нечто полезное и прекрасное.

Не раз отмечалась многозначительность того, как эта русская семья жила и работала в Гималаях, в этой колыбели Ариаварти. Для русских такая живая связь с Индией останется навсегда и в истории искусства и в истории культуры. Русское сердце открыто к Индии и эта древняя страна платит полною взаимностью. Если бы повсюду были такие доброжелательные вестники, как вся семья нашего русского художника.

"Вестник" - первая картина мастера. За нее получено академическое звание, она тогда же была приобретена Третьяковым для его Московской Галереи. Тема "Вестник" оказалась знаменательной для всего творчества художника. Весть, добрая весть, прекрасная весть всегда была и будет ярым устремлением мастера. Для кого то незнаемого, для кого то молодого эта весть. Нужно иметь пылающее сердце, чтобы пыль земная, что бы клевета и злоба не удущили сердечность и любовь к человеку.

Он говорит: "пылайте сердцами, творите любовью". Не отвлеченно для него звучит и пламя сердца и любовное творчество. Суровый к себе, он идет всем трудящимся, всем творящим ласку и улыбку ободрения. Сотрудничество и содружество заповеданы им на всех путях. Единение - сила и он идет этот ласковый приказ по всему миру. Поверх всех достижений он остается художником. Это качество позволяет от искусства, от красоты широко понимать явления жизни и мировое переустройство. За любовь к трудовому народу, за призвы к обновлению жизни не мало приходится выносить от всяких невежд. Наряду с легендами правды слагаются и всевозможные наветы и злые выдумки. Но знает он, что правда не ржавеет и в свое время встает она на одоление злобы. "Когда постройка идет - все идет", улыбается он и преодолевает. И знает, что трудности несут и новые возможности.

Неоднажды возникали споры, принадлежит ли он к какой то определенной школе или является основателем особой школы, выражающей новые концепции искусства? Британская Энциклопедия называет его модернистом, - это не определяльно. Некоторые критики помешали его среди пост-эмпирионистов - и это неясно. Конлан в своей монографии приближает его к мастерам старого Китая. Козенс сличает с искусством Индии. Кто то говорил о Гогене, кто то о Мунке, кто то о Пюви-де-Шаванне... ## Все эти попытки не показательны. Но целая группа писателей, среди них Ален, Бенуа, Голлербах, Кузьмин, Хагберг-Райт, Воксель и другие определяют его как главу особой школы живописи. И это правильно. Когда его самого спрашивали о его стиле и школе, он улыбался: "пою как умею!" Такое заявление справедливо. От самых истоков творчества, он идет своим путем, развиваясь, совершенствуясь и отказываться ему не от чего. В некоторых историях искусств не без основания отмечалось, что он хотя и входит в группу "Мира Искусства", но стоит в ней особняком. Естественно его творчество не имеет общего с маркизами Сомова или со скрипачиной Бакста или с Людовиками Бенуа. Если уже искать внутреннее сродство то придется обратиться к Врубелю, Сурикову, Гогену, к очень своеобразным истокам. О них спорили и сражались и в итоге правда оставалась за ними, за этими

искателями и выразителями своеобразного подхода к сокровенному смыслу жизни.

У него свой мир так прекрасно отмеченный в статье Леонида Андреева "Держава Р." или Голлербахом подчеркнувшем космичность этого всегда обновленного творчества.

Горький называл Рериха "величайшим интуитивистом". Действительно, останавливает внимание предчувствование событий многих картин мастера. Скажете: "случайность", "совпадение"? Но когда это же обстоятельство повторяется многоократно в течение полувека тогда определение Горького особенно вспоминается.

"Поход" и "Зловещие" перед войной с Японией, "Мечь-мужества", "Ангел последний", "Эмий проснулся", "Корона", "Дела человеческие", "Город обреченный", "Зарево" - перед великой войной и революцией.

Сейчас перед отечественной войной "Богатыри проснулись", "Армагеддон", "Святогор", "Микула", "Частасья Микулична", "Весть Тирону", "Александр Невский", "Ярослав", "Новка меча", болтыая сюита устремляющая внимание на грядущие события.

Незнаем, как складываются во времени многозначительные образы, но они есть. Внимательный глаз распознает их. Спросите, отчего сознание художника предчувствует предпочтительно около судеб народа русского? Ответ будет о коренной русскойности мастера, о чем писалось не раз в разных странах.

Эти прозрения предчувствия художника могли бы дать какому то писателю прекрасную тему о путях творчества. Теперь наука о мысли так углубляется; многое еще недавно сверхестественное входит в познавательные каналы и такие особенности творчества должны изучаться безпредрассудочно. Явление яркое, обратившее на себя внимание самых наиреальных деятелей замечательно для каждого психолога. Присмотревшись ближе наверное можно найти и еще не мало аналогий. Жизнь художника многообразна и содержательна.

Показательно просмотреть задания мастера и в его картинах и в очерках. Сдни заглавия составят целую галлерею образов и мыслей. При этом было бы несправедливо и невежественно узорить художника в нарочитости, в тенденции, в тематичности, настолько художественное задание всегда превосходит содержание. В песне даже не слыша слов можно восхищаться красотой звука. Также точно и в картинах мастера даже не зная замысла будешь увлечен композицией, колоритом, богатством звучания тонов. Стиль мастера всегда отличается концепцией всех частей произведения. В этой созвучности нет отрицания, отхода, но постоянное движение. Без движения, без работы мастер не может жить. Среди движения, среди ростущей наблюдательности вырабатывается и целесообразность. В ней то и лежит убедительность индивидуального стиля. Зритель чует, что "так нужно", "иначе нельзя". Этим же путем вырабатывается искреннее уважение к значению искусства. Мастер говорит: "искусство - для всех. Всему народу принадлежат создания творчества."

Кузьмин в монографии, изданной в 1924 году при В Ц И Н Советов, говорит:
"Явление единственное и неповторимое!"

Индия называет мастера гурудэв и махарши. В этих древних почетных наименованиях индусы выражают свое почитание тому, кто сердечно отнесся к народам Азии.
Живет русское творчество!

Где Рерих, там творится хорошее русское народное дело.

В.